

Есть в Новокузнецке краеведческий музей, где выставлены в гостях у Ф. М. Достоевского. Я не зналася, в одном из залов музея есть такой зал, где Достоевские — у них дома. Писатель, гордость России Федор Достоевский и женщина драматической судьбы Мария Исаева. Побывайте у них в залах. Тем более, что Кузнецк — единственное место, где они составляли не только признанную, но и счастливую семью.

С фотографии, представляемой в музее, глядит человек в мундире. Скульптура с лицом жестким и суровым в себе. Взгляд стоячий, кажется проницательным. Это Федор Достоевский. Тот, что пишет о себе: «Я — человек маленький» и заявляет: «Москва стоит миллиона». На другой фотографии — женщина с высоким лбом, с глазами темными, глядящими пристально и настороженно. Южанка. Мария Дмитриевна Исаева, урожденная Констант, в каком-то колене француженка по виду. Тут же в экспозиции фотография листенцев. Именно она была свидетельницей прогулок четы. И еще — фотографии Одигитриевской церкви. Именно здесь обвенчались 120 лет тому назад Федор Михайлович Достоевский и Мария Дмитриевна Исаева. Так что венчаны их сейчас юбиляры.

Не такой уж долгий и счастливый был этот брак, чтобы отмечать эту дату. Но если спросить сейчас самого Достоевского, он, очевидно, сказал бы, что это один из самых примечательных юбилеев его памяти. 6 февраля 1857 года состоялось не просто венчание в несуществующей церкви, а узел завязался, да такой, что захватил всю жизнь и все творчество Федора Михайловича.

К ГРОЗНЫМ и счастливым кузнецким дням Достоевский и Исаева перешли более двух лет, общей дорогой, в двумя параллельными. Не потому что «грозное чувство» Исаевой (Достоевский также называл свое тогдашнее состояние) испытывалось, возможно, не столько Достоевский — человек скользкий, Достоевский — сочинитель. Может, Достоевский проникся, бы «грозным чувством» к Исаевой, не она настолько обделена судьбой. Может, короткий кузнецкий период не оставил бы отпечаток на жизнь Достоевского, будь супруг этой женщины Александр Иванович Исаев, живший, потерявшим горючим пыльницей. Но был одновременно человеком честным и доверчивым, который Достоевского поражал именно доверием этим сильнейшим оружием слабых и униженных, очевидно, это поначалу Достоевского просто смущало, но со временем вызывало новый образ — это будущий Маринадов из «Преступления и наказания».

У Исаевой иные заботы, связанные с человеком, который неотвратимо тянет во дну. Из Астрахани, родительского дома, она выходит за него в Семипалатинск, а затем в Кузнецк, по сравнению с которым Семипалатинск «достоевский называет его Семипалатинском» — старая столица. В Семипалатинске, а еще больше в Кузнецке, по мере падения круга, Исаева — изгой, женщина непривлекательная и непопутная обывателями. К тому же в Семипалатинске «связывается с ссыльными солдатами» Достоевский. Она, почти нищая, в своем доме приемлема дочь ссыльного повара, которую отец нещадно избивал. И по этому попалася местечковых жителям: «Подмы родильных прав и авторитета, не всякий день обещает, а туда же, благотворительству!» Вырисовывается образ, вполне соответствующий темноглазому изображеному лицу с кузнецкой фотографии.

На последнем рубеже жизни А. И. Исаева удается перевести в Кузнецк изображение по корчменной «Кузнецкой». Отъезд. Продовольственной открытой телеги, в которой мертвым

Записки

у музейной витрины

Счастливые и гордые

КУЗНЕЦКИЕ ДНИ

муж. Торопливые, последние обятия.

В КУЗНЕЦКЕ произошло окончательное введение «чиновника по корчменной части». Но до этого еще были бурные и жалостные периоды раскаяния, одиночества, недоброжелательного любопытства чиновничего «света». Только Паша Исаев, озорник-подросток, «безотцовщина», вызывает сочувствие соседей. Мать же гнется «благородная» бедность, которую нужно скрывать, как дурную болезнь. Писать в Семипалатинск и никогда, и не о чем. И стыдно. Как будто навязываешь себя со своими бедами. И только изредка, когда уж невмоготу, в ответ на мольбы Достоевского — короткие записки. И вот уж мчится в Емангородск на назначенную встречу с Исаевой Достоевский и верный его друг А. Е. Брантель. Но, как визло, все время что-нибудь случается. То с мужем, то с сыном, встреча срывается, и неминовимым усилием стоит найти оказавшуюся и переслать срочно записку, что встречи не будет: с мужем страшный приступ и смерть.

Из Кузнецка в Семипалатинск отправлено письмо. Исаева свободна. Исаева бедствует. Исаевой не на что похоронить мужа. Кто-то из сердобольных кузнецян посыпает ей три рубля. И она эти три рубля берет: «Нужда руку толкала принять, и приняла подаяние!» Она еще не знает, что не просто взяла милостыню, а вписала одну из впечатляющих страниц в будущий роман «Преступление и наказание», где точно так и точно в тех же обстоятельствах поступит замученная жизнью Катерина Ивановна Мармеладова. И не знает, что, может, как раз для соружения надгробной плиты чиновнику Исаеву были заняты Достоевским у Брантеля пятьдесят рублей: «Я вам отдам непременно, но не скоро». (Эта плита вместе со многими другими пошла на переплавку, когда на месте старого кладбища возник в Новокузнецке сад алюминищиков).

НАХОДИТСЯ в Кузнецке «добрый человек», учитель рисования Николай Борисович Вергунов, двадцати четырех лет от роду (Мария Дмитриевна двадцать девять). Он хочет из нее жениться. И она всерьез об этом браке подумывает. Исаева пишет Достоевскому и спрашивает совета: «А что, если человек пожилой, обеспеченный...» Она пишет неправду. Если написать, как есть, Достоевский возмутился, изволился. А ей от Достоевского нужна «индulgencia», чтобы он разорвал невидимую цепь, связывающую их и неотлучную.

Но какое же духовное родство и у кого оно могло быть с такой необыкновенной личностью, как Достоевский? Но он был любовником каких колебаний отважилась, связала свою жизнь с Достоевским в роковые, счастливые кузнецкие дни, ничуть не заблуждаясь в значимости сделанного шага.

Поставив свои подписи под «Обыском брачным № 17», поручители не подозревали, что в этот миг

Достоевский примчал в Кузнецк. Рискнул. Имел дела по службе в Барнауле, а уж оттуда... Состоялась встреча, все более затягивающаяся узел. Кто такой Вергунов? Достоевский устанавливает с ним отношения, и Вергунов поплышен, что этот, кажется, в прошлом сочинитель, чуть ли не всех героян Достоевского, от Насти Филипповны («Идиот») и Дуни Раскольниковой до Катерины Ивановны («Преступление и наказание») и Грушевки («Братья Карамазовы»). Он был влюблен в Анну Васильевну Корвин-Круковскую (последствием Жаклар), одну из будущих героян Парижской Коммуны, и она отказалась ему. Почему? Очевидно, именно потому, что было родственное по духу с Достоевским значило как раз поступиться всем, что такое родство составляло, — собственными интересами, увлечениями, одаренностью, «расторвиться» в сокрушительном его таланте, в ослепляющей его личности, которая под обманчивой простотой была похожа на коварную воронку, втягивающую в себя любого, кто только с ней соприкасался, стать постоянным объектом «глубинного» исследования величайшего психолога своего времени.

И Аполлинария Суслова, и Анна Корвин-Круковская не согласились на брак с Достоевским: им было чем жертвовать. К тому же они были «шестидесятницы», напрочь лишенные практицизма. Они не соразмеряли жертву с «выигрышем», то есть с «приобретением» Достоевского.

Согласилась на брак мгновенно и без смятения двадцатилетняя Анна Григорьевна Синткина, которую сорокачетырехлетний Достоевский называет «помощницей и утешительницей» и считает «человеком нужным и необходимым», а современники — без особого добра — «конторой по изданию сочинений Достоевского». Анна Григорьевна увозит Достоевского на четыре года за границу, чтобы единим махом разорвать пуповину, связывающую его с «русностью» прошлого, посчитав, что тем самым напрочь перечеркивает и память об Исаевой.

А Достоевский между тем сетует, что «талант его живет вне России» и что он забывает, «какие бывают русские в России».

СЛИ бы в зале Новокузнецкого краеведческого музея удалось собрать тех, кто знал Исаеву, любопытный получился бы у них диалог!

Привилегиальные львицы: «Решительно не может быть, как все, возомнила из себя учченую женщину».

Путешественник и дипломат Александр Егорович Брантель: «Она была начитана, довольно образованна,

характеры. Известно, что у него был бурный роман с Аполлинарией Прокопьевной Сусловой, женщиной «инфериальной» в представлении современных ей обывателей, которую мольва сделала прототипом чуть ли не всех героян Достоевского, от Насти Филипповны («Идиот») и Дуни

Раскольниковой до Катерины Ивановны («Преступление и наказание») и Грушевки («Братья Карамазовы»).

И САЕВА была человечком из истинно родного для Достоевского мира, что «за чертой» обычновенности. Отношения с ней требовали постоянного предела, за которым человеку не до тисковки, где он доверчиво обнажает все тайники души, подчиняясь отнюдь не «головному» (от головы идущему) порядку и укладываясь лишь в привыкшую логику чувства, не каждому доступную. Исаева была сомасштабна Достоевскому по силе духа и потому не могла растираться в нем. Беспощадный талант Достоевского отринул ее, а потомки допустили непростиительную слепоту, оставив незамеченной «исподвольную» ее сопричастность ко всей будущей жизни Достоевского. Исаева была от страдания и из мира страдания, искренность ее — это правдивость отгания, и уже потому она была несомненной помощницей Достоевского на всю жизнь, так как тема всего его творчества — обнажение человеческой правды. Думается, Достоевский никогда не был столь русским и никогда так полно не принадлежал России, как в сибирские дни, прошедшие под знаком Исаевой, когда постигнуты были глубины русского характера в обстоятельствах, возможных только в России середины XIX века. Может, именно поэтому трезвая, просвещенная, «европеизированная» Анна Григорьевна увозит Достоевского на четыре года за границу, чтобы единим махом разорвать пуповину, связывающую его с «русностью» прошлого, посчитав, что тем самым напрочь перечеркивает и память об Исаевой.

Б УДЕТ в Новокузнецке, известные Достоевских в краеведческом музее, где настало остановилось мгновение «кузнецкого праздника». Тем более, что у этой так ненадолго (всего на пять лет) связавшей четы вот сейчас в Новокузнецке живого дома. Тот, что имеется в «Доме Достоевского», в котором находится библиотека — это ведь не совсем тот дом. Но он сохранил кусочек того короткого счастья, что привнеслось под его крышей в кузнецкие дни великого писателя. Тем не менее посетите его. Он мне кажется, один из важнейших памятников Кузбасса по своей привлекательности не столь к моменту пребыванию здесь Достоевского, сколь к тому, может быть, самому яркому и важному событию в его сибирской жизни — «грозное чувство» к Исаевой. Будете читать Достоевского, поищите — вы найдете ли в любом его романе след не «демонической» Аполлинарии Сусловой и не «проточной» Анны Григорьевны, а отзову стальных и грозных кузнецких дней. (Так называли этот период друзья и современники Достоевского). И если найдете, значит, сокровище Исаевой.

Славный сын России, Петр Петрович Семенов, будущий Тин-Шанский: «Она

ной и интеллигентной из дам семипалатинского общества».

Гордость России. Федор Михайлович Достоевский: «О, друг мой, она любила меня беспредельно, и я любил ее тоже без мерки, но мы не жили с ней счастливо» (из письма к А. Е. Брантелью вскоре после смерти Исаевой) и «Была

этот женщина душа самой возлюбленной и восторженной Сороры, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу!» (в беседе с девушкой — «семидесятичной» через много лет после смерти Исаевой).

Женщина драматической судьбы Мария Дмитриевна Исаева: «Я не только любила и баловала своим умом, добрым, влюбленным в меня мужем, даже уважала его родителей, письма их так мила и приветливы, что, право, остальное для меня трагично-трагово» (в письме к сестре В. Д. Константу вскоре после венчания).

Впрочем, эти строки Марии Дмитриевны в предлагаемый диалог не подходят. Они написаны еще в «кузнецкий праздник», когда Анна Николаевна Катаева, близкая приятельница Исаевой, устраивала чаевые не за свой счет и собственную свадьбу, на которой веселился чуть ли весь Кузнецк, когда Достоевский очаровал кузнецкое общество и — привычный танцовщик — покорил головы кузнецким дамам, когда, насквозь на длинный военный плащ, подолгу гудел с Мариной Дмитриевной Достоевской по городским улицам и говорил, говорил — напоминая не мог.

Б УДЕТ в Новокузнецке, известные Достоевских в краеведческом музее, где настало остановилось мгновение «кузнецкого праздника». Тем более, что у этой так ненадолго (всего на пять лет) связавшей четы вот сейчас в Новокузнецке живого дома. Тот, что имеется в «Доме Достоевского», в котором находится библиотека — это ведь не совсем тот дом. Но он сохранил кусочек того короткого счастья, что привнеслось под его крышей в кузнецкие дни великого писателя. Тем не менее посетите его. Он мне кажется, один из важнейших памятников Кузбасса по своей привлекательности не столь к моменту пребыванию здесь Достоевского, сколь к тому, может быть, самому яркому и важному событию в его сибирской жизни — «грозное чувство» к Исаевой. Будете читать Достоевского, поищите — вы найдете ли в любом его романе след не «демонической» Аполлинарии Сусловой и не «проточной» Анны Григорьевны, а отзову стальных и грозных кузнецких дней. (Так называли этот период друзья и современники Достоевского). И если найдете, значит, сокровище Исаевой.

СЛЫШАЛИ бы в зале Новокузнецкого краеведческого музея удалось собрать тех, кто знал Исаеву, любопытный получился бы у них диалог!

Привилегиальные львицы: «Решительно не может быть, как все, возомнила из себя учченую женщину».

Путешественник и дипломат Александр Егорович Брантель: «Она была начитана, довольно образованна,

любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатляющая.

Славный сын России, Петр Петрович Семенов, будущий Тин-Шанский: «Она

м. КУШНИКОВА.